

НАЧИН

Ветка рябины

— Наша девчушка гоит¹ ли? — спросил мужчина. — Всё из памяти вон, Айге, как ты её назвала?

Женщина улыбнулась:

— Больше ругаю Баламошкой, потому что она умница и опрятница. А так — Жилкой.

Мужчина рассеянно кивнул:

— Жилкой... ну да. Привезёшь однажды, покажешь.

Если бы не разговор, ускользавший от посторонних ушей, они выглядели бы самыми обычными странствующими торгованами, каких много в любом перепутном кружале. Двое крепких молодых парней, скромно помалкивавших в уголке, сошли бы за сыновей.

— Привезу, — пообещала Айге. — Вот наспеет, и привезу. Ты, Ветер, едешь ли за новыми ложками по весне?

Он снова кивнул, поглядывая на дверь:

— В Левобережье... за Шегардай.

— А я слышала, гнездари бестолковы, — поддела Айге.

Ветер усмехнулся, с уверенной гордостью кивнул на одного из детей:

— Вот гнездарь!

В большой избе было тепло, дымно и сыровато. В густой дух съестного вплетались запахи ношенных рубах, сохнувшей

¹ Автор, отнюдь не занимавшийся придумыванием новых слов или удивительных толкований, всего лишь пытался **писать эту книгу по-русски**. Честно предупреждаю: в тексте встретится ещё немало замечательных старинных слов, возможно выводящих из зоны привычного читательского комфорта. Полагаю, незаинтересованный читатель сумеет их с лёгкостью «перешагнуть». Заинтересованного — приглашаю в самостоятельное путешествие по сокровищнице русского языка. Поверьте, это может стать захватывающим приключением. А найдёте вы гораздо больше, чем предполагали...

кожи, влажного меха. По всем стенам сушилась одежда. Снаружи мело, оттепель раскачивала лес, ломала деревья, забивала хвойник густыми липкими хлопьями. Хорошо, что работники загодя насушили целую сажень дров. Все знают, что печь бережливее греет скутанная, но гостям по сердцу, когда в отворённом горниле лопаются поленья и дым течёт живым коромыслом, ныряя в узенький волок. А гости были такие, что угодить им очень хотелось. В кружале третий день гулял с дружиной могучий Ялмак по прозвищу Лишень-Раз. С большого стола уже убрали горшки и блюда с едой, воины тешили себя игрой в кости.

— Учитель... — подал голос парень, сидевший рядом с наставником.

Вихры у него были пепельные, а глаза казались то серыми, то голубыми.

Ветер не торопясь повернул голову:

— Что, малыш? Спрашивай.

— Учитель, как думаешь, где они всё это взяли?

За стеной, в просторных сенях, бойко шёл торг. Отроки продавали добычу. Да и старшие витязи у стола, где выбивали дробь костяные кубики, ставили в кон не только монету. Зарезво жирников скользнуло по тёмно-синему плащу, расшитому канителью. Сильные руки разворачивали и встряхивали его, стараясь показать красоту узорочья — да притаить в складках тёмное пятно с небольшой дыркой посередине.

Айге положила ногу на ногу и заметила:

— Вряд ли у переселенцев. Те нищebroды.

Ветер пожал плечами. В серых глазах отражались огни, русую бороду слева пронизали морозные нити.

— Источница Айге мудра, — сказал он ученикам. — Однако в поездах, плетущихся вдоль моря, полно варнаков и ворья. Мало ли как они плату Ялмаку собирали.

За столом взревели громкие голоса. К кому-то пришла хорошая игра. Брошенные кубики явили два копыя, топор и щит против единственных гуслей. Довольный игрок, воин с как будто вмятой и негоже выправленной левой скулой, подгрёб к себе добычу. Кости удержали при нём плащ, добавив резную деревянную чашу с горстью серебра и тычковый кинжал в дорогих ножнах.

Ветер задумчиво проводил взглядом оружие:

— А могли и с соищущей дружиной схватиться...

Беседа тянулась вяло, просто чтобы одолеть безвременье ожидания.

— Отважусь ли спросить, как нынче мотушь? — осторожно полюбопытствовала Айге.

Ученики переглянулись. Ветер вздохнул, голос прозвучал глухо и тяжело:

— Живёт, но не знает меня.

— А о единокровных что-нибудь слышно?

Ветер оторвался от наблюдения за игрой, пристально посмотрел на Айге:

— Двоих, не желавших звать меня братом, уже преставила Владычица...

— Но младший-то жив?

Глаза Ветра блеснули насмешкой.

— Говорят, Пустоболт объявился Высшему Кругу и вступил в след отца.

— Пустоболт, — с улыбкой повторила Айге.

— Если не врёт людская молва, — продолжал Ветер, — старый Трайтрен ввёл его в свиту. Может, ради проворного меча, а может, надеется, что Болт ещё поумнеет.

Над большим столом то и дело взлетал безудержный смех, слышалась ругань, от которой в ином месте давно рассыпалась бы печь. Здешняя, слыхавшая и не такое, лишь потрескивала огнём. Канительный плащ так и не сменил обладателя, увенчавшись витой гривной и оплетённой бутылкой. Щедрый победитель тут же распечатал скляницу, пустил вкруговую. Как подобало, первым досталось отхлебнуть жожаку. Под хохот дружины Лишень-Раз сделал вид, будто намерился одним глотком ополовинить бутылку. Он выглядел вполне способным на это, но, конечно, жадничать не стал. Отведал честно, крикнул, передал дальше. Два воина за спиной воеводы стерегли стоячее копьё, одетое кожей. Из шнурованного чехла казалась лишь чёлка белых волос и над ней — широкое железко.

— Учитель, Мятай Роже везёт шестой раз подряд, — негромко проговорил второй парень. — Как такое может быть? Ты сам говорил, кости — роковая игра, не знающая ловкости и науки...

Волосы у него были белёсого андархского золота, он скалывал их на затылке, подражая наставнику.

Ветер зевнул, потёр ладонью глаза:

— Удача своевольна, Лихарь. Ты уже видел, что делает с человеком безудержная надежда её приманить.

— А вот и он, — сказала Айге.

Через высокий порог, убирая за пояс войлочный столбунок и чуть не с каждым шагом бледнея, в повалушу проник неприметной внешности середович. Пегая борода, пегие волосы, латаный обиванец... Как есть слуга в небольшом, хотя и крепком хозяйстве. Ступал он бочком, рука всё ныряла за пазуху, словно там хранилось сокровище несметной цены.

Зоркие игроки тотчас разглядели влезшего в избу.

— Прячь калитки, ребята! Серьга отыгрываться пришёл!

Ученик, сидевший подле наставника, чуть не рассмеялся заодно с кметями:

— А глядит, как тухлое съел и задка со вчерашнего не покидал...

— Не удивлюсь, если вправду не покидал, — сказал Ветер.

Томление бездействия сбежало с него, взгляд стал хищным. Глядя на источника, подобрались и парни.

Мужичонка по-прежнему боком приблизился к столу, словно до последнего борясь с погибельной тягой, но тут его взяли под руки, стали трепать по спине и тесней сдвинулись на скамье, освобождая местечко.

— Удачными, — обращаясь к ученикам, пробормотал Ветер, — вас я сделать не властен. А вот удачными... умеющими привести на службу Владычице и удачу мирянина, и его неудачу...

Игра за столом оживилась участием новичка. В прошлые дни Серьга оказал себя игроком не особенно денежным, но забавным. Стоило поглядеть, как он развязывал мошну и вытаскивал монету, которую, кажется, удерживала внутри вся тяга земная. Долго грел в ладони, словно что-то загадывая... потом выложил на стол. Когда иссякли шуточки по поводу небогатого кона, в скоблёные доски снова стукнули кости. Пять кубиков подсказывали и катились. Игроки в очередь вершили по три броска; главней всего были гусли, вторыми по старшинству считались мечи. Когда сочлись, Серьга из бледного стал

совсем восковым. Его монета, выдавший виды медяк с изображением чайки, заскользила через стол к везучему ялмаковичу.

Лишень-Раз вдруг поднял руку — трезвый, несмотря на всё выпитое. Низкий голос легко покрыл шум кружала.

— Не зарься, брат! Займи ему, с выигрыша отдаст. А проиграется, всё корысть невелика.

Взятое в игре так же свято, как боевая добыча, но слово вождя святей. Мятая Рожа рассмеялся, бросил денежку обратно. Сergyа благодарно поймал её, поняв случившееся как знак: вот теперь-то счастье должно наконец его осенить!

Стукнуло, брякнуло... Раз, другой, третий... Словно чьё-то злое дыхание поворачивало кости для Sergyа кверху самыми малопочтенными знаками: луками да шеломами. Медная чайка снова упорхнула на тот край. Sergyа низко опустил голову. Если он ждал повторного вмешательства воеводы, то зря. Ялмак не зря носил своё прозвище. А вот ялмаковичу забава полюбилась. Монетка, пущенная волчком, вдругорядь прикатилась обратно. Sergyа жадно схватил её...

— Бороду сивую нажил, а ума ни на грош, — прошипел Ветер.

...и проиграл уже бесповоротно. Дважды прощают, по третьему карают! Витязь нахмурился и опустил денежку в кошель.

Ближний ученик Ветра что-то прикинул в уме:

— Учитель... Ему правда, что ли, двух луков до выигрыша не хватило? Обидно...

Ветер молча кивнул. Он смотрел на игроков.

Sergyу у стола сочувственно хлопали по плечу:

— Ступай уж, будет с тебя. И обиванец свой в кон вовсе не думай, застынешь путём!

Sergyа, однако, уходить не спешил. Он медленно покачал головой, воздел палец, двигаясь, словно вправду замёрзший до полусмерти. Рука дёрнулась туда-обратно... нырнула всё же за пазуху... вытащила маленький узелок... Sergyа развернул тряпицу на столе, будто не веря, что вправду делает это.

— Как же Ты милостива, Справедливая, — шепнула Айге.

На ветошке мерцала серебряной чернью ветка рябины. Листки — зелёная финифть, какой уже не делали после Беды, ягоды — жаркие самограннички солнечно-алого камня. Запон-

ка в большую сряду красной госпожи, боярыни, а то и царевны! Воины за столом чуть не на плечи лезли друг дружке, рассматривая диковину. Сам Ялмак отставил кружку, пригляделся, протянул руку. Сergyа сглотнул, покорно опустил веточку ему на ладонь. Посреди столешницы уже росла горка вещей. Недаровое богатство, кому-то достанется!

Воевода не захотел выяснять, какими правдами попало сокровище к потёртому мужичонке. Лишь посоветовал, возвращая булавку:

— Продай. Сглупишь, если задаром упустишь.

Сergyа съёжился под тяжёлым взглядом, но ответил как о решённом:

— Прости, господин... Коли судьба, упусти, а продавать не вели...

Ялмак равнодушно передёрнул плечами, снова взялся за кружку.

И покатались, и застучали кости... На Сergyу страшно стало смотреть. Живые угли за ворот сыпь — ухом не поведёт! И было отчего. Диво дивное! Им с Мятой Рожей всё время шли равные по достоинству знаки. Кмети, уже отставшие от игры, подбадривали поединщиков. Остался последний бросок.

Вот кубиками завладел ялмакович. Коснулся оберега на шее, дунул в кулак, шепнул тайное слово... Метнул. Кмети выдохнули, кто заорал, кто замолотил по столу. Мятой Роже выпало четверо гуслей и меч. Чтобы перебить подобный бросок, требовалось истое чудо.

Сergyа, без кровинки в лице, осоловелые глаза, принял кости и, тряхнув кое-как, просто высыпал на стол из вялых ладоней.

И небываемое явилось. Четыре кубика быстро замерли... гуслями кверху. Пятый ещё катился, оказывая то шлем, то щит, то копьё. Вот стал медленнее переваливаться с боку на бок...

...лёг уже было гуслями... Сergyа ахнул, начал раскрывать рот...

...и кубик всё-таки качнулся обратно и упокоился, обратив кверху топор.

Сergyа проиграл.

Крыша избы подскочила от крика и еле встала на место, дымное коромысло взялось вихрями. Мятой Роже со всех сто-

рон предлагали конаться ещё, но ему на сегодня испытаний было довольно. Он сразился грудью на выигранное богатство, подгрёб его к себе и застыл. Потом встрепенулся, поднял голову, благодарно уставился на стропила, по-детски заулыбался — и принялся раздавать добычу товарищам, отдаривая судьбу. Сergyа тупо смотрел, как рябиновая веточка, в участи которой он более не имел слова, блеснула камешками перед волчьей безрукавкой вождя.

— Спасибо за вразумление, воевода, твоя мудрость, тебе и честь!

Ялмак отхлебнул пива. Усмехнулся:

— На что мне девичья прикраса? Оставь у себя, зазнобушке в мякитишки уложишь.

Воины захохотали, наперебой стали гадать, какой пышности должны оказаться те мякитишки...

Ветер кивнул ближнему ученику:

— Твой черёд. Поглядим, хорошо ли я тебя наторил.

Парень расплылся в предвкушении:

— Учитель, воля твоя!

Обманчиво-неспешно поднялся, выскользнул за порог. Разминулся в дверях с кражистым мужиком, казавшимся ещё шире в плечах из-за шубы с воротом из собачьих хвостов. Лихарь понурил белобрысую голову, пряча полный ревности взгляд. Айге отломил кусочек лепёшки, обмакнула в подливу.

— И надо было мне тащиться в этакую даль, — шутливо вздохнула она. — Кому нужны скромные умения любодейки, когда у тебя встают на крыло подобные удалцы!

Ветер улыбнулся в ответ:

— Не принижай себя, девичья наставница. Кости могли лечь иначе...

Веселье в кружале шло своим чередом. Витязи цепляли за подолы служанок, хвалили пиво, без скупости подливали Sergye: не журись, мол, день дню розь, выпадет и тебе счастье. Он кивал, только взгляд был неживой.

Черева у дружинных вмещали очень немало. Обильная выпивка всё равно отзывала наружу то одного, то другого. Мятая Рोजа было задремал у стола, но давняя привычка не попустила осрамиться. Воин протёр глаза, вынул из-под щеки ставший драгоценным кошель и на вполне твёрдых ногах пошёл

за дверь отцедить. Миновал в сених отроков, занятых торгом, кивнул знакомым коробейникам из Шегардая и Сегды...

Наружная дверь отворилась с мучительным визгом, в лицо сразу ринулись даже не хлопья — сущее крушье, точно с лопаты. Мятая Рोजа не пошёл далеко от крыльца. Повернулся к летящей пади спиной, распустил гашник, блаженно вздохнул... Он даже не отметил прикосновения к волосам чего-то чуть более твёрдого, чем упавший с ветви комок. Ну проросла в том комке остренькая ледышка, и что?..

Ялмакович открыл глаза, кажется, всего через мгновение. Стоя на коленях в снегу, тотчас бросил руку за пазуху, проверить, цел ли кошель. Кошель был на месте. Только... только не ощущались сквозь мягкую замшу самогранные ягодки под зубчатыми листками, которые ему уже понравилось холить...

Другой витязь, в свой черёд изгнанный пивом из тепла повалуши, едва не наступил на Мятую Рожу. До неузнаваемости облепленный снегом, тот шарил в сугробе, пытался что-то найти. Боевые побратимы долго рылись вместе, споря, достоин ли во избежание насмешек умолчать о пропаже — либо, наоборот, позвать остальных и раскопать всё до земли.

Серьга волокся заметённой, малохожей тропой, плохо понимая куда. В глазах покачивался невеликий, но тяжёленький ларчик. Доброго старинного дела, из цельной, красивейшей, точно изнутри озарённой сувели... ларчик, ключ от которого посейчас висел у него, Серьги, кругом шеи, гнул в три погиба... Из метельных струй смотрели детские лица. Братец Эрелис и сестрица Эльбиз часто открывали ларец, выкладывали узорочье. Цепочки финифтовых незабудок — на кружевной платок матери. Серебряный венец, перстни с резными печатями — на кольчугу отца.

Он знал, как всё будет. Ужас и непонимание в голосах:

«Дядюшка Серьга... веточку не найти...»

И он пойдёт на поклёп, а что делать, ведь Космохвост за утрату их пальцем не тронет, ему же — голову с плеч.

«А вы, дитятки, верно ли помните, как всё назад складывали?»

И — две горестно сникшие, без вины повинные головёнки...

И — раскалённой спицей насквозь — взгляд жуткого рынды...

И — нельзя больше жить, настолько нельзя, что глаза уже высмотрели над тропой сук покрепче, а руки вперёд ясной мысли взялись распутывать поясок. Длинный, с браным обережным узором, вытканый на бёдре старательными пальчиками, все бы по одному перецеловать: «Носи на доброе здоровье, дядька Серьга...»

— Постой, друже! Умаялся я тебя настигать.

Злосчастный слуга не сразу и понял, что голос прозвучал въяве и что обращаются вправду к нему. Вздогнул, обернулся, только когда ворот сжали крепкие пальцы.

Незнакомец годился ему в сыновья. Серые смешливые глаза, в бровях застряли снежные клочья, на ногах потрёпанные снегоступы... Серьга успел решить, что нарвался на лиходея, успел жгуче испугаться, а потом обрадоваться смерти, только подивившись: да много ли у него, спустившего хозяйское достояние, надеются отобрать? — но против всякого ожидания человек вложил ему в ладонь маленькое и твёрдое и замкнул руку, приговорив:

— Утрись, не о чем плакать.

Серьга стоял столбом, пытаясь поверить робкому голосу осязания. И таки не поверил. Мало ли что причудится сквозь овчинную рукавицу. Послушно утёрся. Бережно расправил ладонь... Света, гаснувшего за неизмеримыми сугробами туч, оказалось довольно. Серьга упал на колени, роня с головы столбунок:

— Милостивец... отец родной...

Всё качалось и плыло. Возвращаться с исподнего света оказалось едва ли не тяжелее последнего безвозвратного шага.

— Встань, друг мой, — сказал Ветер. Нагнулся, без большой надсады поставил Серьгу на ноги. — Мне будет довольно, если ты вернёшь булавку на место и никогда больше не подойдёшь к игрокам, искушающим Правосудную. Служи верно Эрелису и Эльбиз, а я рядом буду... — Он выпустил Серьгу и улыбнулся так, словно вечный век его знал. Собрался уже уходить, но вспомнил, подмигнул: — Да, смотри только, Космохвосту молчи... Он добрый малый, Космохвост, одного жаль,

МАРИЯ СЕМЁНОВА

недалёкий. Да что с рынды взять! Никому не верит, не может в толк взять, кто истинные друзья.

Серьга опустил взгляд всего на мгновение — убедиться, что рябиновая гроздь вправду переливается в ладони. Когда он снова поднял глаза, рядом никого не было. Лишь деревья размахивали обломанными ветвями, стена и жалюзясь, точно скопище душ, заблудившихся в междумирье.

ДОЛЯ ПЕРВАЯ

Через реку

— Стой, ребятаки!

Первым хозяйскому оклику внял пёс. Уселся, задышал, вывалив из пасти язык. Обвис верёвочный потяг, гружёные санки накатили ещё пядь и замерли, не достигнув откинутого хвоста. Потом остановились мальчишки.

— Что, а́тя? — спросил старший.

Жог смотрел на сыновей, переводя дух. Он торил путь, ломал снегоступами наст. От шерстяной верхней рубахи шёл пар, тёплый кожух вовсе ехал на санках.

Мальчишки, румяные от ходьбы, одинаково опирались на кайки.

— Оглянитесь, — велел отец.

Они стояли на самой середине реки. Позади, за оплывшими нагромождениями торосов, под серым куполом неба высился матёрый северный берег. Отвесные, обросшие ледяными бородами кручи, тянущиеся на множество вёрст. Рослый лес наверху выглядел седоватой щетинкой.

Жог коснулся пальцами снега, кланаясь далёким утёсам:

— Прости, батюшка Коновой Вен.

— Не поминай лихом, — отозвались дети.

Жог невольно улыбнулся, глядя на два лохматых затылка, темноволосый и золотой. Добрые сыновья. Не стыд людям показать.

Когда двинулись дальше, младший догнал отца:

— Атя, дай буду тропить?

Ему было десять лет, он помнил солнце и считал себя взрослым. Он совсем недавно подарил печному огню прядь волос, заплёл косы и привесил к поясу нож, а это обязывало.

Жог кивнул:

— Давай, Светел.

Сын обошёл его, захрустел снегоступами, начал крушить льдистую корку. Жог чмокнул губами, поднимая улёгшегося пса. Зы́ка послушно вскочил, на потяге звякнули колокольцы. Старший сын, Сквára, лукаво щурил глаза, поглядывая в спину братишке. Не иначе прикидывал, надолго ли того хватит.

Здесь, кажется, было самое морозное место на перегоне между двумя зеленцами. Тело начало остывать. Жог повёл плечами, рукавицей сбил окидь с рубашки, взял из саночек кожух.

Тропить было нелегко. Светел сгоряча положил себе дойти до левого берега, но уже через полверсты засопел, тяжело отдуваясь. Взрослый мужской почёт требовал немаленькой платы.

Ещё через несколько сотен сажений показалось впору просить смены, но Светел всё продолжал тащить пуды, повисшие на ногах. А каждую подними, да не зацепив носком ледяной край. Переставь, навались — и наракуй опять у колена... Светел чуть не плакал, упрямо отказываясь сдаваться. Мимо прохрустел лыжами Сквара:

— Пусти погреться, братище.

И пошёл колоть лапками ледяной череп. Любо-дорого посмотреть, как ставил ноги. Светел завистливо вздохнул, сваливаясь назад. Это ж Сквара. Его на лыжах уморить мог только отец, и то с натугой.

Жог посмотрел, как проворно мелькают заплатки на кожаных штанах старшего сына. Ближе к зеленцу надо будет парню напомнить, чтобы натянул новые. А то ввалится во двор каков есть, сраму не оберёшься.

Обрывы Конового Вена помалу отодвигались, истаивали, пропадали в тумане. Трое походников рассчитывали вновь поклониться им дней через пять-семь.

Левый берег Светы́ни был низменным. За невысокой грядой лежали топи, торфяники и заболоченные озёра. Прежде здесь были шумные птичьи угодья. То кликуны присядут на отдых, то утки птенцов выведут. Дальше начинались отлогие холмы, поросшие лесом, но во время Беды лес сгорел, подожжённый упавшим сверху огнём. Теперь до самого окоёма простирался бедовник. Зимой, в крепкий мороз, по снежной

пустоши славно бежалось бы на больших лыжах. Сейчас стояла середина лета, самые долгие дни.

— Атя, а дядька Подстёга приедет? — спросил Светел, когда остановились передохнуть и отец начал стружить рыбу. — С тёткой Дузей и... ну...

Он досадливо притопнул обувью в лапку ногой. Имя сверстника, виденного полтора года назад, ускользло из памяти.

— Ознобишей, — подсказал Сквара.

— Я помнил!

— Приедут, — кивнул Жог. — Захотят же узнать, как там Ивень.

Светел спросил:

— Вдруг Ивень сам с котлярами пожалует? Свидеться?

— А позволят? — пробормотал Сквара. — Им там, люди сказывают, велят родню позабыть...

«Мало ли что велят!» — хотел возразить Светел, но такие слова с набитым ртом не говорят. Он принялся торопливо жевать. Зубы тотчас заломило от холода. Вот что получается, когда жадничаешь и неправильно ешь.

— Ты за восемь лет позабыл бы? — спросил Жог.

Сквара помолчал, негромко ответил:

— Ни за что.

«А Лыкастик? — подумал Светел. — Забудет своих?..»

Отец покачал головой:

— Люди разное бают о том, что с уведёнными становится. Может, и не врут, что они мать родную потом идут убивать.

Светел наконец проглотил рыбу, но хвалиться памятью стало вроде незачем. Он нахмурился, сказал другое:

— Праведные цари не посылали матерей губить.

Жог тоже свёл брови, но по другой причине.

— Ты вот что, — строго напомнил он младшему. — Как придём, смотри, поменьше болтай. И в мыльню с чужими не соблазняйся!

Светел опустил голову, уронил золотые вихры на глаза:

— Не соблазнюсь, атя.

На самом деле за время дороги отец успел повторить наставление семьдесят семь раз. Всё знал младшего бессмысленным дитяtkом, неспособным усвоить сказанное однажды.

— А ты присмотри, — велел Жог старшему.

— Присмотрю, атя, — пообещал Сквара и взъерошил голову брату.

Сам он выглядел настолько близким подобием отца, насколько вообще это возможно. Только пока не вытянулся в рост и не нажил надо лбом серебряных прядей. Ничего: зато видно, каков станет красавец. Если доживёт, подобно Жогу Пеньку, до тридцати восьми лет.

— Не всех в воинское обучение берут, — сказал он больше затем, чтобы подбодрить младшего брата. — Да что впусте гадать. Вот придём, сами увидим.

Светел долго молчал, потом перестал хмуриться, спросил:

— А как думаешь, тётка Дузья пряничков напекла?..

У всякой матери болит сердце о детях. Даже если сама она уплывает в печальное белое небытие.

Когда случилась Беда, тяжело раненная Мать Земля напрягла последние силы — и населённая твердь растворилась множеством живородных ключей. Эти кипуны и теперь били сквозь погребальные пелены снега, источая вар, согретый сердцем глубин. Ключища, особенно крупные, собирали кругом себя всякую жизнь, звериную и людскую. В первый год после Беды целые деревни переползали ближе к теплу. Люди разбирали вековые избы, бревно за бревном везли на новое место. Теперь жизнь вошла в русло, худо-бедно наладилась.

То, что в Левобережье опять наехали котляры, иные толковали как верный знак возвращения спокойных, мирных времён. Кому был черёд собирать в дальний путь сына, гордились, устраивали веселье. Гнездари созывали в гости родню, ближнюю и не очень. Приглашали друзей. Даже дикомытов с правого берега.

Походники собирались заночевать в небольшом, удачно расположенном зеленце меж холмов. Родники здесь были не-сильные, жилую весь с банями и зелёными прудами вытянуть не могли. А вот хорошая зимовьюшка в распадке стояла. Как раз до утра переждать странствующему человеку. С печкой и запасом дров, который совестливый гость обязательно возобновит перед тем, как на прощание поклониться порогу.

Уже падали сумерки, иначе над чащей виднелись бы завитки пара. Лес, уцелевший со времени Беды, начинался двумя

большими ёлками. Они стояли рядом, трогая одна другую ветвями. Не поймёшь, из одного корня растут или из разных: место, где ствол проникал землю, таилось под пятью аршинами снега.

— Смотри! — сказал Сквара младшему брату. — Как есть мы с тобой!

Жог улыбнулся. Идти до зимовья оставалось не более полутора вёрст.

Светел обернулся к отцу:

— А вдруг дядька Дёждик вперёд нас прошёл?..

Ответил Сквара, чья очередь была прокладывать путь:

— Может, как раз встретимся, — сказал он, поглядывая на лес.

Свет быстро уходил с неба, но путники вступили в длинный ложок, и Сквара высмотрел под деревьями чужую ступень. Светел вымотался уже до того, что думал только о лежаке под кровом избушки, но при этих словах у него разом прибавило сил. Он живо догнал старшего брата, потом даже выскочил вперёд прямо по целине. Склонился над следами, с торжеством выпрямился:

— Подстёгины лапки! И тёткины, и...

— Ознобишины, — ехидно встрял Сквара.

Светел гневно повторил:

— И Ознобишины!

Однако держать сердце на брата долго не мог. Оба расхохотались.

Может, где-то витали лыжные делатели получше Жога Пенька, но здесь про них не слыхали. Люди снаряжались издалека, чтобы купить у него быстрые лыжи для торных дорог или охотничьи лапки. Сыновья уже помогали Пеньку плести снегоступы, а следы узнавали едва не лучше отца.

Потом Сквара потянул носом воздух, удивился:

— Ступень утренняя, а дымом не пахнет.

— Может, сразу дальше пустились? — предположил Светел. — Там всего ничего...

— Может, и пустились, — сказал Жог. — Вы вот что, оба, тишкните.

Зыка в упряжке вдруг заворчал, насторожил уши. Жог остановился, глядя вперёд. Потом нагнулся к саням, вытащил

свой лук и надел тетиву. Повесил на правое бедро тул, открыл берестяную крышку. Сумерки сделали цветные перья одинаково серыми, но Жог и ощупью знал, где какая стрела.

Он отстегнул потяг и поставил сыновей тащить санки, а сам взял Зыку, вышел вперёд.

Левобережье — это не своя чаща. Дома по окликам птиц, по дальнему вою можно определить, где в лесу человек. И даже иногда — кто таков. Здесь всё не то, всё не так. Здесь никакая предосторожность не мешает.

У последней горки перед зимовьем ворчание кобеля перешло в глухой рык, злой и угрюмый. Жог потянулся за стрелой, но убрал руку. Врагов впереди не было. Только чувство беды, осязаемо плотное, как запах. Походники молча, скорым шагом одолели последний подъём.

Тёплые ключи журчали и булькали, вызванивая свою мирную песенку. Над кипуном, одевая инеем сосны, вихрился густой пар. Больше ничего мирного на поляне не было. Между родниками и приоткрытой дверью зимовья чистый снег обтаял и потемнел. Посреди лужи, раскинув руки и ноги, белело наготой женское тело.

Сверху к нему бесстыдно и властно приникло тело мужчины.

Деждик Подстёга и его жена Дузья.

Остолбеневший Жог узнал старинных друзей и успел дико подумать, с чего это они взялись «играть» не у печки, а в холодном снегу. Ему понадобилось мгновение, чтобы понять: супруги не двигаются.

— Тётя Дузья... — заикаясь, выговорил Светел.

Все трое живо скатились с горки. Ещё на что-то надеясь, побежали к Подстёгам. Надеяться оказалось поздно. Тела уже остывали. Кто-то, очень лихо управлявшийся с самострелом, всадил меткий болт Деждику под лопатку. Потом добил ударом копыя, точно лося на охоте. Женщине досталось в сердце ножом. С обоих споролы одежду и бросили в снег, как на брачное ложе.

Вот и все пряники...

Между прочим, санки с подарками, почти такие же, как у Пеньков, стояли под стеной избушки совершенно нетронутые. Кто-то глумливо помочился на них, а полсть даже не взрзал. Этот кто-то пришёл не разбой творить — убивать и желал

всем послать про то весть. Один упряжной пёс лежал у полозьев, второй, похоже, вскинулся на врагов. Самострельный болт отбросил его, пригвоздил к брёвнам. Там он и висел, распахнув пасть в оскале последней ярости.

— Ознобиша!.. — позвал Сквара вполкрика.

Он помнил: младший сын Подстёги нрава был не отчаянного. А ну влез с перепугу на ёлку да так там и мёрзнет, не смея спуститься?..

Никто не откликнулся.

Ознобиши не оказалось ни в избушке под лежаком, ни на крыше, ни где-нибудь за наледями.

Жог высек огня. Не для костра, не для печки — какая тут печка! Растеплил свечу, забранную стёклышком походного светильничка. Сквара, лучший следопыт, низко пригнулся к земле.

Пенёк первым придумал ковать лапки ледоходными шипами, чтобы на косогорах, до блеска выглаженных ветром, не скользила нога. Он же взялся устраивать в плетёнке отверстие под носком валенка, чтобы свободнее качалась ступня. На снегоступах убийц не было ни шипов, ни отверстий. Четверо явились издалека.

Один вершил расправу, второй наблюдал, стоя у окраинных сосен. Может, держал самострел наготове, но тетиву не спускал. Двое других ещё прежде убийства свели прочь Ознобишу. Малец уходил оглядываясь, правда, бежать не пытался и подавно в драку не лез. Сделав дело, первые двое тоже ушли.

Тут вспомнишь, чем бабка в детстве страдала. Левый берег левый и есть, чего здесь доброго ждать!

Жог с сыновьями долбили мёрзлый снег складными лопатками, взятыми из саней. Светел трясся и кусал губы, но не хныкал. Семь лет назад он уже видел смерть. Очень близкую. Очень страшную. Такую, что не сразу выдумаешь страшней.

Дно ледяной ямы застелили одеждой, собранной на поляне.

На полсти, взятой в избушке, перетащили Деждика.

Уложили рядом жену.

Скутали той же полстью беззащитную наготу.

Пепельные женские косы в узорных лентах замужества, растрёпанные, набрякшие кровью... Лицо мужчины, казавшееся сосредоточенным и спокойным...

Потом долго носили из ключища мокрые камни, выворачивая какие потяжелей.

Может, доберутся горностаи и вездесущие мыши. Но не росомахи с волками. А медведей здесь давно никто не видал. Это временная могила. Вот кончится праздник, уедет с котлярами Лыкасик, тогда и можно будет сложить Подстёгам честный погребальный костёр...

Сквара что-то бормотал насчёт того, чтобы пройти по следам и выручить Ознобишу, но сам понимал: пустошное мелет. Похитчики были воинами, наторевшими убивать. Куда против них лыжному делателю с двоими мальчишками. Только самим согнуться, чтобы Подстёгам не скучно было одним на Звёздном Мосту.

Кончив тягостный труд, походники уже не чуяли ни рук, ни ног. А ничего не поделаешь, пришлось вновь завязывать путца и уходить. Не здесь же ночевать, у осквернённых смертью ключей.

Сквара повёл младшего к санкам:

— Садись, я толкать буду.

Светел в ответ то ли заскулил, то ли зарычал. Отпихнул брата, пошёл сам. Жог молча тропил.

Они-то радовались готовому следу, они-то ждали встречи, тёплого ночлега и разговоров, а утром — весёлого, с прибаутками, совсем не тяжёлого последнего перехода...

Ведать бы заранее, как всё обернётся.

А и ведали бы, что толку?..

Жог беспощадно гнал ещё не меньше трёх вёрст. Сквара временами сменял отца. Светел тоже пытался, но не выстаивал долго.

Наконец Пенёк воткнул посох в снег.

Взялся было за рыбу, но оставил. Ни у кого горло не принимало.

Сквара молча покормил пса. Наконец улеглись.

Повозились в просторных кожухах, утянули руки из меховых рукавов. Заправили внутрь мягкие куколи: и ворот замкнут, и подушка готова. Так и свернулись на снегу возле саней, словно в спальных мешках.

Всё как в прежние ночи, да немного не так. Мальчишки сразу заснули, Жог остался стеречь.

И не только затем, чтобы никто не проспал погибельного онемения.

У Рыжика была мягкая-мягкая шёрстка: щенячий пух, ещё не проросший жёсткой щетиной. И несоразмерные, неуклюжие крылья с нежными перепонками. Малыш кувыркался в тёплом песке, ёрзал вверх пузом. Аодх всё боялся, не повредил бы хрупкие крылья. Друзья только учились внятно беседовать, но мальчик ощущал весёлое удивление щенка. Ты же, мол, не боишься пальцы сломать, когда за ухом чешешь?..

Взрослые сука и кобель кружили высоко в небе: что-то вдалеке привлекло их внимание. Синими-синими были глубокие небеса в россыпи стоячих кучевых облаков...

Смотреть бы в них и смотреть, пока возможность была.

Солнце вдруг померкло. Гранитные скалы за лукоморьем из красных сделались чёрными. Издали, стелясь по земле, ударили чудовищные лучи багрового, огнистого света. Сполохи, застревавшие на зубцах крепостных башен, испускала великая туча, внезапно вставшая у небоската. С берега моря она казалась мелко-бугристой, как туго завитое руно, но некоторым образом даже издали ощущалась неимоверная сила, ворочавшаяся внутри. У тучи не было макушки. Она уходила куда-то в небо — сквозь небо — на непредставимую высоту, прямо туда, где по ночам горят звёзды. Дымный, чуть выгнутый хвост истаявал вдали не оттого, что рассеивался, просто в те горние сферы глаз человеческий уже проникнуть не мог. Низ тучи понемногу начинал оплывать... Растекаться на стороны, заполнять окоём, набухать кровавым свечением... Медленно-медленно валиться прямо на город...

Пасть матери сомкнулась на загровке щенка. Кобель схватил за рубашку маленького Аодха. Громадные крылья с неистовой яростью гребли под себя воздух. Симураны пытались разминуться со смертью, стремительно мчавшейся на Фойрег.

Они были уже высоко, так высоко, что недоставало воздуха ни для дыхания, ни на опору крыльям, когда палящая туча надела на город. Она клубилась и текла по земле, столь плотная, что куски холмов плыли и кувыркались в ней, точно поплавки в бурной реке. Огненное дыхание испепеляло всё сущее. И лес на корню, и брёвна стен, и живую плоть. Попадавшееся на пути даже не вспыхивало — испарялось бесследно, лёгкими хлопьями, подлетевшими к кузнечному горну...

Туча прокатилась над Фойрегом, и Фойрег перестал быть. Остались завалы мёртвого пепла, насухо выкипевшая гавань да

кое-где каменные, точно облизанные, багрово светившиеся подклеты домов. Небо над останками города дрожало от непредставимого жара. Жар достиг высоты, где уходили прочь два симурана, и опалил им шерсть, но симураны продолжали лететь...

Кобель в последний миг успел прикрыть собой подругу и обоих детей. Полуослепший от незримого пламени, уже понимая, что гибнет, он не сдавался. Несколькими бешеными взмахами сумел нагнать суку и опустить трёхлетнего Аодха ей на спину. Тот сразу сцепился, вжался всем телом в опалённую гриву. Подтянул к себе Рыжика, вынутого из материнских зубов... Какое-то время кобель ещё держался внизу, принимая на себя волну за волной смертельного жара. Потом перепонки на его крыльях пошли кровавыми волдырями и почернели. Он стал проваливаться вниз, вниз, вниз, в раскалённое небытие. А ещё через несколько невыносимых мгновений израненную суку подхватил и спас могучий поток ледяного сивера, пытавшегося противостоять вселенской Бедё...

Светел ощутил падение в жуткую бездну и проснулся, дрыгнув ногами.

Ночная темень уже синела, понемногу рассеиваясь. Сквара сидел на саях и щипал себя, чтобы не падала на грудь голова. Рядом, вытянувшись в снегу, спал отец.

Его третий отец после спасителя-симурана и седого величественного человека, носившего в волосах каменную звезду.

Светел широко раскрыл глаза, стал смотреть на Жога и Сквару. Так, словно у него ещё и этих прямо сейчас хотели отнять.

«Надо было небом любоваться, пока оно не исчезло. И Ознобиша, родителей обнимая, небось знать не знал, что больше не доведётся. А я о чём думал, когда атя сказал кланяться Вену?.. Вот возьмут налетят... с самострелами... тоже за тридцать земель в неволю сведут... буду вспоминать, как последний раз оглянулся. Как на маму сердчал, что за валами при всех, точно маленького, гладила по головке...»

Со вчерашних казней жаловалось всё тело, но сон рассеялся без следа. Сквара заметил взгляд младшего, подобрался к нему, обогнув санки. Спросил шёпотом:

— Опять приснилось, братище?

Светел со всхлипом втянул воздух.